

М.П. Алексеев — англист: предыстория

© 2024, П.Р. Заборов

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье идет речь о ранней работе выдающегося отечественного филолога академика М.П. Алексеева (1896–1981). Блестящий знаток классической русской литературы, прежде всего, творчества А.С. Пушкина и И.С. Тургенева; автор многочисленных трудов по истории литератур зарубежных — в первую очередь западноевропейских и восточноевропейских, — он был крупнейшим в нашей стране компаративистом, историком русско-французских, русско-немецких, русско-испанских, русско-португальских, русско-итальянских, русско-венгерских и русско-польских литературных связей различных эпох. Между тем, сам он, наряду с русской литературой, скромно считал основными сферами своих научных интересов лишь литературу Англии и русско-английские литературные и культурные связи. Началом же его занятий историей английской литературы явилась работа по переводу с немецкого языка новаторской для своего времени статьи австрийского англиста, профессора Иннсбрукского университета Карла Бруннера «Wirtschaftslage und Literatur» (1925). Перевод этот был издан в 1930 г. в Иркутске отдельной брошюрой, озаглавленной «Хозяйственное положение и литература». Предварялся текст статьи обширным предисловием М.П. Алексеева и сопровождался составленными им подробными примечаниями, содержащими обильный и разнообразный фактический материал. Научный аппарат, которым сопровождался этот сравнительно небольшой переводной текст, свидетельствовал об удивительных для молодого ученого эрудиции, широте интересов и глубине мысли, что в полной мере проявилось и в его последующих трудах по английской филологии, а также в его научной деятельности вообще.

Ключевые слова: история английской литературы, германская и немецкоязычная англистика, английское Средневековье.

Информация об авторе: Петр Романович Заборов — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5135-021X>

E-mail: p.zaborov@gmail.com

Для цитирования: Заборов П.Р. М.П. Алексеев — англист: предыстория // Литературный факт. 2024. № 4 (34). С. 93–101. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-34-93-101>

Цель статьи — привлечь внимание к одной из ранних работ выдающегося отечественного филолога, академика Михаила Павловича Алексеева (1896–1981), которой, кажется, до сих пор никто не заинтересовался, хотя о ее существовании всем известно и текст ее вполне доступен. Правда, в отличие от большинства его трудов работа эта никогда не перепечатывалась, что, впрочем, легко объяснимо, ибо это всего лишь перевод немецкой статьи, пусть и изданный отдельной брошюрой, под грифом Общества изучения языка, литературы и искусства при Иркутском государственном университете. Статья эта, озаглавленная «Wirtschaftslage und Literatur», была опубликована в 1926 г. в журнале «Die Neuren Sprachen» и представляла собой обработанный вариант доклада профессора английской филологии Иннсбрукского университета Карла Бруннера (Karl Brunner, 1887–1965), который прочел его в декабре 1925 г. на очередном 55-ом собрании немецких филологов и преподавателей в Эрлангене. Кроме перевода статьи, М.П. Алексееву принадлежали предисловие к ней и примечания [2].

Обращение М.П. Алексеева к этой статье было, конечно, далеко не случайным: в это время он, молодой преподаватель Иркутского университета, читал общий курс истории западноевропейских литератур, и хотя эрудиция его и тогда уже была для его возраста удивительной, осведомленность его в этой обширнейшей области была все же неравномерной. Во всяком случае, в ранний период научной деятельности, работая в различных учреждениях Киева и Одессы, он, наряду с историей русской литературы и историей искусств, прежде всего музыки, интересовался более всего французской литературой (писал о ней, переводил французскую прозу, готовил издания и т. д.). Лишь в Одессе, да и то не сразу, в круг его научных интересов вошла английская литература, и он серьезно занялся английским языком, которого совсем не знал, в отличие от французского и немецкого, которыми владел свободно. Не следует также забывать, что в это время он являлся аспирантом Новороссийского (Одесского) университета, а его руководителем был профессор Владимир Федорович Лазурский (1869–1947), автор книги об английских сатирических журналах XVIII в. [1].

Так складывались обстоятельства, но не исключено, что выбор этой специальности был вызван столь характерной для Алексеева на протяжении всей его жизни нелюбовью к проторенным путям, к повторению известного, к темам, согласно его выражению, «выгашенным из нафталина». Конечно, английская литература не была у нас совсем неизвестной: достаточно напомнить о весьма

плодотворной деятельности профессора Московского университета Н.И. Стороженко; читал курс истории английской литературы и академик А.Н. Веселовский, но даже он, создатель петербургской школы филологов-«западников», воспитавший незаурядных романистов и германистов, не преуспел в подготовке сколько-нибудь видного англиста. Во всяком случае, сделано было в этом отношении немного, и посвятить себя изучению английской и англоязычной литературы было для него интереснее, чем заниматься литературами французской или немецкой, да и значительно перспективней. У него как бы появилась собственная ниша в науке и университетском преподавании, что позднее сыграло большую положительную роль в его судьбе: в 1933 г. он именно в качестве специалиста по английской литературе был приглашен в Ленинград, с которым связал всю свою дальнейшую личную и творческую жизнь.

Предпринимая издание статьи современного австрийского англиста, Алексеев, естественно, не мог не ознакомиться с новейшей германской и немецкоязычной англистикой, о чем подробно сообщал в предисловии к брошюре. В методологии этой отрасли научного знания, по его мнению, наблюдался «интересный сдвиг», во многом объяснявшийся «сложными взаимоотношениями» двух стран в послевоенное время. Ссылаясь на тщательно проштудированные им немецкие исследования, он высказал предположение, что усиление в проигравшей войну Германии интереса к занятиям историей Англии, историей английской литературы можно рассматривать не только как проявление «вполне законного любопытства», но и как «своего рода идеологический реванш, стремление одержать победу над Англией на фронте научной мысли — пока для иных побед не пришло время — получить превосходство в познании и объяснении как современного состояния страны, так и всего ее прошлого, в экономическом и социальных разрезах в первую очередь» [2, с. XI].

«С тем большим интересом, — писал Алексеев, — подчеркиваются сейчас германские элементы в английской культуре от англо-саксонских времен и до эпохи романтизма, тем чаще интересы исследователей обращаются к германо-английскому литературному обмену, словно стараясь примерами из прошлого заставить забыть тот роковой разрыв, который произошел в эпоху войны и который еще сильно чувствуется во всех областях интеллектуальной жизни» [2, с. XI].

«В связи с этим, — замечал он далее, — интересно подчеркнуть также особое развитие в послевоенной Германии изучения английской экономики и экономической истории. Взаимодействие

всех этих причин и следствий безусловно оказывает свое влияние на развитие новых уклонов в германской англистике. Что они будут очень плодотворны для истории английской литературы как научной дисциплины, в этом не может быть никакого сомнения. Результаты, добытые немецкими англистами, обязан будет учесть и будущий русский историк-англист» [2, с. XI]. В силу всех этих причин Алексеев счел статью Бруннера «не только поучительной, но и возбуждающей к самостоятельной работе, проверке и пересмотру, что, можно думать в свою очередь оправдывает ее появление в русском переводе» [2, с. XIII].

В статье этой не было ничего революционного: в сущности, австрийский филолог являлся в полной мере последователем Ипполита Тэна, типичным представителем культурно-исторической школы, но при этом он пытался несколько обновить ее методологию, привлекая с этой целью огромный накопившийся за более чем полвека материал, добытый и осмысленный западноевропейскими экономистами и социологами. Отнюдь не склонный считать экономическое положение и социальные отношения единственным фактором, объясняющим своеобразие английской литературы на каждом из этапов ее эволюции, Бруннер все же настаивал на чрезвычайной важности этого фактора и необходимости его учитывать, иллюстрируя это многочисленными примерами, заимствованными из трудов по английской литературе начиная с древнеанглийской и ирландской поэзии.

В своем предисловии Алексеев предупреждал, что автор статьи «отнюдь не социолог-марксист, хотя ряд выдвигаемых им положений и общие приемы рекомендуемого анализа, несомненно, довольно близки современному марксистскому литературоведению» [2, с. VI]. Но приведенная ремарка была, кажется, единственной в этой его работе данью интенсивно внедрявшейся тогда в научный обиход идеологии. Во всяком случае, о марксизме он далее не вспоминал, явно предпочитая ему методологические построения Бруннера, хотя ему и претил утрированный социологизм последнего, чем сам Алексеев, презиравший догматизм во всех его формах, никогда не грешил. Более того, многое в этой статье вполне соответствовало научным принципам и исследовательским приемам Алексева, да и самый его интерес к средневековой английской литературе, быть может, если и не возник, то усилился не без влияния австрийского ученого.

При всем интересе Бруннера к «хозяйственному положению» Англии, целью его было всё же, как уже отмечалось, проследить роль

экономического фактора в истории английской литературы, и для этого он широко привлекал самый разный фактический материал. Оставить все эти имена, факты и даты без пояснений Алексеев, конечно, не мог, о чем и сообщил в предисловии: «К статье проф. Бруннера я приложил примечания, составленные мною» [2, с. XIII]. Однако лаконичному комментарию он и тогда, и впоследствии предпочитал более или менее подробный исторический экскурс, жанр, к которому относился почти что с нежностью. «Я не хотел при этом — признавался он — ограничивать свою задачу разъяснением некоторых упомянутых в тексте имен, фактов и дат, малоизвестных русскому читателю, и присоединил к ним ряд библиографических указаний, которые могут пригодиться для дальнейшей разработки затрагиваемых им (Бруннером. — П.Р.) вопросов» [2, с. XIII].

Так, комментируя в примечаниях ссылку Бруннера на книгу Людвиг Шюккинга «Социология литературного вкуса», он посвятил этой монографии содержательную заметку, в которой сообщил о ее русском переводе, изданном в 1928 г., а также и о книге Уильяма Кеннингема «Рост английской промышленности и торговли, ранний период и средние века», выходявшей на русском языке дважды, в 1904 и 1909 гг. Упомянул он и о «сходных» трудах отечественных ученых — П.Г. Виноградова, А.Н. Савина, Д.М. Петрушевского, Е.А. Косминского и др. Не прошел он даже мимо двухстраничного реферата книги Георга Бродница «История английского хозяйства», опубликованного в сборнике трудов Северо-Кавказской Ассоциации научно-исследовательских институтов, в Ростове на Дону, в 1928 г.

С сожалением констатируя в предисловии, что в России не существует «ни одного крупного исследования по англо-саксонской литературе» и «даже такие имена, как имя Чосера, “отца английской литературы”, бессмертного создателя “Кентерберийских рассказов” звучат у нас почти пустым звуком», Алексеев в качестве примера называл также «Поэму о Беовульфе», которая «не переведена на русский язык (если не считать небольших извлечений из нее и пересказов» [2, с. XII], а в примечании уточнял: «“Беовульф” полностью не переведен на русский язык, если не считать переделки поэмы для детей, сделанной Н. Полевым; в старых историко-литературных хрестоматиях можно найти лишь извлечения из нее, сделанные притом далеко не удовлетворительно: так, отрывок из “Беовульфа” в переводе А. Соколовского попал даже в антологию Н. Гербея “Немецкие поэты” (!). СПб., 1877, стр. 1–4)». Затем он извещал читателей о создании нового перевода поэмы, из которого «пока опубликован только отрывок с комментариями» в «Известиях Северо-Кавказского

университета», а в заключение сообщал, что «результаты новейших исследований поэмы изложены в статье В.М. Жирмунского “Проблемы формы в германском эпосе” (Поэтика. IV. Лгр., 1928, стр. 96–98)» [2, с. 15–16].

В этих словах был весь Алексеев с его стремлением проникнуть вглубь веков и идти «нехоженными путями», с его любовью к библиографии, с его привычкой по возможности исчерпывающе освещать историю вопроса, не пропуская при этом ни одной даже мелкой работы, где бы и когда бы она ни появилась. Об этом свидетельствует и весь составленный им подробный комментарий к статье. Так, в связи с упоминанием у Бруннера «Церковной истории англоv» и, в частности, письма Беда Достопочтенного к епископу Эгберту (734 г.) Алексеев указывает две работы на эту тему: английскую, помещенную в «English Historical Review» 1926 г., и отечественную, опубликованную в журнале «Историк-марксист» 1927 г. [2, с. 16] Комментируя сообщенные Бруннером сведения об аграрной истории Англии, Алексеев называет не менее десятка книг и статей как на английском, так и на русском языках, не забывая при этом и о русских переводах английских трудов, если таковые имеются [2, с. 16]. Пояняя фрагмент статьи, в котором шла речь о «Черной смерти», т. е. чуме, свыше года свирепствовавшей в Англии в первой половине XIV века и ставшей причиной тяжелейшего экономического кризиса, Алексеев называет не только специальные английские и отечественные исследования, но и «знаменитую прозаическую поэму» Уильяма Морриса «Сон Джона Болла» (1888), а также ее перевод, выполненный Василием Каменским и изданный в 1923 г. [2, с. 16] Целую страницу, набранную, как и все примечания, убористым шрифтом, посвящает Алексеев Уильяму Лэнгленду и его «Видению о Петре Пахаре» [2, с. 19]. Наконец, строки статьи, о возникновении в эпоху Тюдоров новых городов и цеховых организаций и, в частности, слова «купцы-суконщики разбогатели» Алексеев иллюстрирует пространной исторической справкой, текст которой приводится полностью ниже:

Здесь было бы кстати упомянуть о Томасе Делонэ (Thomas Delonay), ткаче и бытописателе ремесленных корпораций елизаветинской эпохи, романы которого, в особенности «Джек из Ньюбери», могут служить немаловажным историческим источником. «Джек из Ньюбери» (1597) хотя и дает картину рабочей жизни на ткацком производстве в более позднюю эпоху, но основан на старых преданиях; здесь рассказывается типичный случай о том, как разбогател «один достославный и почтенный английский суконщик». О Томасе Делонэ

недавно писал Л.П. Гроссман (Производственный роман в эпоху Шекспира. Томас Делонэ и его забытая эпопея // Печать и революция. 1927. № 1. Стр. 29–41; самый роман недавно вышел в русском переводе: ГИЗ. 1928; здесь перепечатана и статья Л.П. Гроссмана). Предки Джона Уичкомба, прозванного Джеком из Ньюбери, были уже суконщиками, если верить некоторым показаниям, еще в XIV в.; нет сомнения, что богатый суконщик, носивший то же имя и имевший свое предприятие в Ньюбери, жил в к[онце] XV в. (сохранилось его духовное завещание 1519 г.), его сын продолжал производство и так разбогател, что ему пожалован был герб в 1549 г., а товары его приобрели европейскую славу. Джек из Ньюбери сделался героем легенды и в конце концов героем романа Делонэ, в котором подробно и с весьма живописными подробностями рассказывается о том, как бедный подмастерье из крестьян делается владельцем большого предприятия, как он во главе своих рабочих отправляется в битву при Флодден-Фильде и, когда война разрушает промышленность, становится во главе протестующих (Ср. Эшли. Экономическая история Англии. М., 1897, стр. 502–503, 530–531. Ср.: Н. Петров. Английский капитализм на заре своего развития. Л., 1925) [2, с. 19–20].

В конце предисловия, которое насчитывало вместе с примечаниями 19 страниц, тогда как самая статья — всего 13, Алексеев счел необходимым «принести благодарность проф. Бруннеру за любезное разрешение издания его статьи в русском переводе» и за его готовность поделиться с ним «своими соображениями по основным вопросам современного литературоведения на Западе» [2, с. XIII]. В этом тоже был весь Алексеев, для которого контакты с зарубежными коллегами являлись профессиональной и человеческой потребностью, реализовать которую он стремился всегда, хотя и с переменным успехом.

В заключение следует отметить, что в этой скромной по задачам работе Алексеев фактически намечал обширную программу своих исследований, которую он осуществлял постепенно, иногда с большими перерывами, на протяжении многих лет, причем английская литература как таковая в ней почти с самого начала сосуществовала с англо-русскими и русско-английскими литературными и культурными связями, а со временем начала отступать под мощным натиском иных его замыслов и разысканий компаративного характера. Во всяком случае, темой его докторской диссертации¹, защищенной уже

¹ «Очерки из истории англо-русских литературных отношений (XI–XVII вв.)».

в Ленинграде в 1937 г., стала история англо-русских литературных отношений XI–XVII вв.

Литература

1. *Алексеева Н.В.* Архив М.П. Алексеева раннего периода его деятельности // Архив ученого-филолога: личность, биография, научный опыт / отв. ред. и сост. Е. Обатнина. СПб.: Пушкинский дом, 2018. С. 190–215.

2. *Бруннер К.* Хозяйственное положение и литература: Экономический фактор в истории английской литературы / пер., предисл. и примеч. М.П. Алексеева. Иркутск: О-во изуч. языка, лит-ры и искусства при Ирк. гос. ун-те, 1930. 21 с.

Research Article

Mikhail Alekseev as an Anglicist: Prehistory

© 2024. Petr R. Zaborov

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article deals with the early work of the outstanding Russian philologist academician M.P. Alekseev (1896–1981). A brilliant connoisseur of classical Russian literature, primarily the works of A.S. Pushkin and I.S. Turgenev, the author of numerous works on the history of foreign literature, mainly Western and Eastern European, he was the largest comparatist in our country, a historian of Russian-French, Russian-German, Russian-Spanish, Russian-Portuguese, Russian-Italian, Russian-Hungarian and Russian-Polish literary ties of various eras. However, he modestly considered only the literature of England and Russian-English literary and cultural relations as the main areas of his scientific interests. His studies of the history of English literature began with the translation from German of the pioneering article by the Austrian anglicist, Professor Karl Brunner of the University of Innsbruck, *Wirtschaftslage und Literatur* (1925). This translation was published in 1930 in Irkutsk in a separate brochure entitled *Economic Situation and Literature*. Alekseev provided the text of the article with an extensive preface and detailed notes, which contained abundant and diverse factual material. The scientific apparatus included in this relatively small translation testified to the phenomenal erudition, breadth of interests, and depth of thought for a young scientist. His subsequent works on English philology, as well as his scientific activity in general, fully confirmed this.

Keywords: the history of English literature, German and German-speaking English studies, the English Middle Ages.

Information about the author: Petr R. Zaborov, DSc in Philology, Director of Research, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5135-021X>

E-mail: p.zaborov@gmail.com

For citation: Zaborov, P.R. “Mikhail Alekseev as an Anglicist: Prehistory.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (34), 2024, pp. 93–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-34-93-101>

References

1. Alekseeva, N.V. “Arkhiv M.P. Alekseeva rannego perioda ego deiatel’nosti” [“M.P. Alekseev’s Archive of the Early Period of His Activity”]. Obatnina, E., editor. *Arkhiv uchenogo-filologa: lichnost’, biografiia, nauchnyi opyt* [*Archive of a Philologist: Personality, Biography, Research Experience*]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2018, pp. 190–215. (In Russ.)

2. Brunner, K. *Khoziaistvennoe polozhenie i literatura: Ekonomicheskii faktor v istorii angliiskoi literatury* [*Economic Situation and Literature: An Economic Factor in the History of English Literature*], trans., preface and notes by M.P. Alekseev. Irkutsk, Society for the Study of Language, Literature and Art at Irkutsk University Publ., 1930. 21 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 28.02.2024
Одобрена после рецензирования: 17.09.2024
Дата публикации: 25.12.2024

The article was submitted: 28.02.2024
Approved after reviewing: 17.09.2024
Date of publication: 25.12.2024